

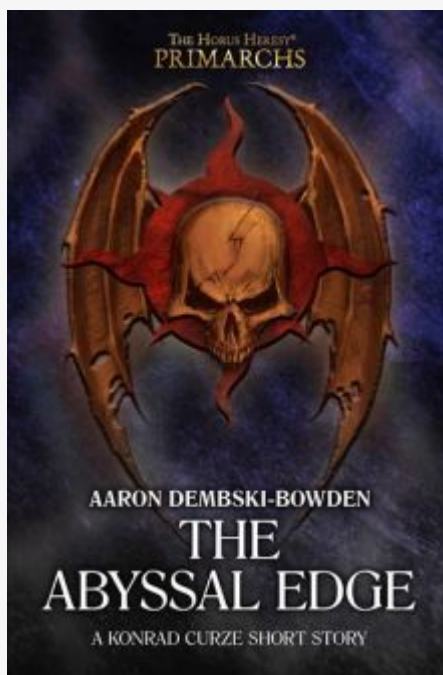
Край бездны / The Abyssal Edge (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Край бездны / The Abyssal Edge
(рассказ)

Автор	Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden
Переводчик	Ulf Voss
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора: Примархи / Horus Heresy: The Primarchs
Входит в сборник	Сыны Императора / Sons of the Emperor
Год издания	2019
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

I

- Что бы офицеры Восьмого Легиона ни записывали в своих архивах в этот момент - это дело их черных душ. Я - легионер Тысячи Сынов и имею дело только с истиной.

II

- Часть меня гадает, смягчит ли примарх свою оценку, дабы не говорить дурно о своем брате - варваре Кёрзе. Я ни на секунду не сомневаюсь, что он будет честен, но честность может быть обнаженной, а может быть скрытой покровом милосердия. Лорд Магнус - великодушный человек. Он - мудр, в то время как его брат - злобен. Милосерден, в то время как Кёрз - ожесточен.

III

- Разорение Зоа было всего лишь вторым случаем, когда я сражался подле моего примарха. Я не закрываю глаза на честь, оказанную мне во время этого приведения к согласию, когда я оказался в присутствии не одного, но двух сыновей Императора. Также я не закрываю глаза на совершенные ошибки, которые привели к катастрофическому провалу кампании.

Я не пытаюсь переложить вину по собственной прихоти. Наоборот, я хочу объективно и взвешенно найти ошибку, ее истоки. Повелители Ночи уже отбыли, оставив нас одних. Несомненно, они отправились куда-то еще со своей слабоумной злобой, кичась своим невежеством, как безусловной добродетелью, заявляя, что они сделали только то, что было необходимо.

IV

- И вот мы стоим здесь среди пепла, тщательно проверяя рассыпающиеся остатки откровения. Слишком поздно что-то изменить. Слишком поздно сделать что-то, кроме как скорбеть об утраченном.

Все потеряно. Все - прах.

Улатал опустил инфопланшет. На минуту наступила тишина, или, по крайней мере, нечто близкое к ней. Влажные и размеренные звуки его затрудненного дыхания прерывались нерегулярными тягами аспиратора. Не считая тихих болезненных звуков его продолжающейся жизни, в комнате стояла абсолютная тишина.

- И что мне с этим делать? - он швырнул инфопланшет на рабочий стол, почувствовав, как смещается жидкость в дыхательных путях при наклоне вперед. Улаталу осточертело это бульканье в груди.

- Прошу прощения, - отозвался из угла сервитор. - У меня возникли сложности с анализом вашего запроса. Что вы имели в виду?

Улатал оглядел монотонное существо с пустым взглядом и неопределенно махнул рукой в сторону инфопланшета.

- Это. Что именно я должен с этим сделать?

- Прошу прощения, у меня возникли сложности с анализом вашего запроса. Кажется, вы указали на стену комнаты. Это верно?

Улатал поборол желание закричать. Вместо этого он несколько раз постучал кончиком пальца по экрану инфопланшета.

- Нет, кусок ты... Это. Это. Доклад. Что мне делать с докладом?

Сервитор не пошевелился, даже не моргнул.

- Доклады должны быть систематизированы, заверены и поданы для доархивной вторичной обработки.

- Зачем они направили тебя ко мне? - Улатал не в первый раз задал этот вопрос. - От тебя столько же пользы, как от булыжника в регициде. Что мне делать с таким докладом?

- Доклады должны быть систематизированы, заверены и поданы для доархивной вторичной обработки.

- Заткнись, - приказал Улатал с опасным спокойствием.

- Исполнение, - покорно ответил сервитор и перешел в бесшумный режим.

- И если ты снова заговоришь в следующий дневной цикл, я тебя пристрелю. Это не просто обещание, а торжественная клятва.

Он вполне мог это сделать. У него не забрали личное оружие. Впрочем, он вряд ли когда-нибудь снова воспользуется им в профессиональной деятельности, но знакомый вес на бедре немного уравновешивал чувство беспомощности от наличия кровавой жидкости в его легких и животе.

Сервитор уставился на него, оказавшись между противоречивыми приказами.

- Я должен напомнить, что уничтожение материально-технических ресурсов экспедиционного флота запрещено согласно инструкциям...

Тонкий как игла луч концентрированной энергии пронзил грудь сервитора. Не было ни драматического удара, ни инерции тела, отбрасывающей киборга к стене, только выжженная дырка размером с ноготь большого пальца прямо в сердце сервитора. Он попытался отважно (или раздражающе, с точки зрения Улатала) закончить предложение, а затем упал там, где стоял. Бионическая пластина черепа почти нежно лязгнула о стену.

Улатал, тихо выругавшись, опустил пистолет. Чертова авария лишила его еще одного качества: он целился в голову ублюдка.

Раздосадованный Улатал воспользовался этой досадой, чтобы скрыть свое беспокойство, вложил оружие в кобуру и потер виски.

- А теперь заткнись, - сказал он дергающемуся сервитору.

Тот ответил с третьей попытки «Исполнение...». Затем изо рта пошли кровавые пузыри, и сервитор выполнил последнее распоряжение.

Пердита навестила его в тот же день. К ее приходу обслуживающий персонал убрал сервитора. Улатал пробежался взглядом по новым знакам отличия на ее плечах и груди и, черт подери, это задело его. Она пробралась через бардак в его кабинете, мельком взглянув на лазерный ожог в стене.

- Не надо, - предупредил ее Улатал. - Обслуга уже прочитала мне нотации.

Он выдавил неприятную улыбку, которая скривила только одну часть его лица.

- Я сказал им, что это был случайный выстрел.

- Я не собиралась ничего говорить, сэр. - Через секунду она сморщила носик. - За исключением того, что здесь пахнет покойником.

Улатал правильно понял ее оценку. После аварии душ не входил в число его приоритетов. Он занимал в три раза больше времени, чем привык Улатал, и боли причинял на порядок больше. Офицер мог бы принять болеутоляющие, выписанные врачом, но от них становился заторможенным и быстро уставал.

- Больше нет никакого «сэра», - заметил он.

Улатала удивило, что Пердита не стала реагировать на его резкий тон. Лучше бы она это сделала, тогда он был бы избавлен от мягкости в ее ответе.

- «Сэр» никуда не денется, - ответила женщина.

- Давай без снисхождения, Дита, - Улатал практически проворчал эти слова. - Как эскадрилья?

- Привыкает. Вы видели, мы снова летаем в патруль?

Конечно же, он видел. Она все так же каждую неделю присылала ему чертов график дежурств. Он не знал, что чувствовал по этому поводу. Было ли это милосердие? Сочувствие? Жалость?

Он кивнул в ответ на ее вопрос, не доверившись своему голосу. Пердита поправила форму и оглядела комнату, избегая его взгляда. Трон, если Дита пришла сюда и выглядит неловко, значит дела и в самом деле плохи.

- Ты забыла сказать, что я выгляжу лучше, - подначил он ее.

Напряжение тут же исчезло, и женщина усмехнулась.

- Вы ничуть не изменились за неделю.

- Ага, я нынче принц. Я слышал, что они собираются поместить мое лицо на двухкредитную монету.

Она вдруг стала навтыжку.

- Разрешите солгать, сэр.

Вот теперь больше похоже. Улатал понял, что тоже улыбается.

- Не разрешаю, командер.

- Так точно, сэр. Тогда с сожалением сообщаю вам, что вы выглядите, как дерьмо.

Улатал рассмеялся. Слизь в легких и кишках засмеялась вместе с ним, и он вполне мог обойтись без этого, но ему все еще нравилось смеяться.

- Вольно, командер.

Пердита подчинилась, а затем молча пихнула краем ботинка его нижнее белье под кровать. В ее глазах он прочел неодобрение, озвучить которое ей не позволяла вежливость. Его офицерское жилье, некогда столь чистое и ухоженное, стало немного... домашним.

- Ну и зачем я здесь? - спросила она.

- Затем, что мне нужен новый архивный сервитор. Последний умер в результате случайного выстрела.

Она подняла бровь и ткнула большим пальцем на дверь.

- Знаете, я могу просто уйти.

Улатал погладил небритое лицо и неуклюжей походкой новоиспеченного калеки направился вперед, хромая на бионическую ногу. Ему пришлось воспользоваться аспираном, и после этого чудесного унижения, то, что осталось от его лица исказилось в полуулыбке среди шрамов от ожогов.

- Ты здесь, потому что, по-моему, у меня проблемы, Дита. - Он вручил ей инфопланшет. - Взгляни.

Не прочитав и половины, она побледнела. К тому времени, как она опустила инфопланшет, неверие боролось с беспокойством за контроль над выражением ее лица.

- Это правда? - спросила она.

Улатал ввел код в свой когитатор, запустив гололитический экран с планетой и тремя лунами, окруженными значками двух боевых флотов.

- Это Зоа и... как бы там не назывались его чертовы луны. А это 3283-й экспедиционный флот. Сейчас он разделен. Он вообще не был в прямом смысле экспедиционным флотом, просто еще одна временная армада, создаваемая в случае пересечения зон ответственности двух имперских флотов.

Он указал на два значка, подсветив их на экране и выделив названия. Первым был «Фотеп». Вторым - «Сумрак». Флагманы XV и VIII Легионов.

- На Зоа не просто два Легиона были вынуждены действовать вместе, но два примарха.

Пердита вернула инфопланшет Улаталу. Он принял его, хотя ему совсем не хотелось. Казалось, ни один из них не желал держать его долго.

- Значит Зоа - реален, - заговорила женщина, - но что на счет достоверности событий в этом докладе?

Улатал поднял палец как учитель, объясняющий урок.

- Вот в чем вопрос.

Пердита смотрела на него с выражением, которое он не смог точно прочесть. Неопределенность удивила его, учитывая, сколько времени они летали вместе.

- Что? Почему ты так смотришь на меня?

- Вы просили об этом назначении, сэр? Или они дали его вам?

Улатал усмехнулся.

- Я не хотел, чтобы меня отправили в отставку после выздоровления. Думаю, они согласились из-за опасения, что будь у меня слишком много времени на размышления, я пушу себе пулю в лоб. Если ты спрашиваешь, просился ли я именно в службу надзора за архивами, то я отвечаю: нет. Я просто хотел чем-то заняться.

Он указал на скучную роскошь своей каюты.

- Что удивляет меня, так это высокопоставленные офицеры крестового похода, которые всю жизнь проводят, надзирая за этой работой.

Пердита уставилась на него неодобрительным взглядом.

- Это важная работа. Она - неотъемлемая часть Великого крестового похода. Самого человечества. Будущие поколения будут читать эти записи, узнавая, как мы завоевали звезды.

«Как величественно. - Доверительно увещал внутренний голос Улатала. - Как невероятно величественно это звучит».

- Это скучная служба, Дита. - Его ворчание почти превратилось в смех. - По крайней мере, это было до того, как я получил доклад, в котором говорится, что два примарха теперь презирают друг друга. Ни в одной другой операции, которую я заархивировал, не было ничего подобного.

- Я не понимаю вас, сэр. Вы с одной стороны уможяете значение этой работы, а с другой - заикливаетесь на ней. Вас трясет от нерастроченной энергии.

- Я заметил, что ты тактично избегаешь слова «одержимость».

Тонкая приятная улыбка Пердиты смягчила ее взгляд.

- Вы это сказали, не я. Итак,... что вы собираетесь делать?

Улатал сделал вдох через аспиратор.

- Не знаю. Я нигде больше не могу найти ничего подобного. И как вообще реагировать на бредни легионера Тысячи Сынов? Мне нужно отправиться на флагман и поговорить с архивистами «Сумрака», но нет никакой гарантии, что я получу там правду.

- Вы подозреваете сокрытие?

«Подозревал ли он? В самом деле?»

- Я подозреваю там *что-то* произошло, что-то между двумя примархами, и они не хотят, чтобы кто-то из простых людей узнал об этом. Этот легионер нарушил приказ и написал этот доклад из-за... не знаю. Возможно, тщеславия. Превосходства. Как будто ему было, что доказывать.

Была ли польза от нахождения здесь Диты. Сейчас он едва ли обращался к ней, но ее присутствие позволило ему озвучить проблему вслух, с другой точки зрения.

И она тоже это понимала. Она знала его достаточно хорошо, чтобы понимать, как он работает.

- Сэр? - подтолкнула женщина Улатала.

- У меня есть полномочия для расследования, но...

Он позволил словам повиснуть в воздухе. Пердита не стала подхватывать их, на что он надеялся.

- И? - спросила она. Женщина была безжалостной, когда того хотела.

- И я должен. Мне это нужно. Это мой долг. - Сказав эти слова вслух, он впечатал их в реальность. - Это мой долг. Я надеялся, что ты отговоришь меня. Может быть, даже подскажешь, что файл мог потеряться или испортиться по дороге.

Пердита подтянула свой и так безукоризненный хвост. Когда она пошевелилась, Улаталу снова пришлось обратить внимание на ее медные знаки различия, отразивших свет люменов над головой.

- А вы бы послушали меня, если бы я попыталась отговорить вас? - Она посмотрела на него холодными глазами. - Только честно, сэр?

Он не ответил, что само по себе было ответом.

Пердита не была слепой. Улатал понимал, что она разглядела угрозу навязчивой идеи в поведении своего командира: одержимую жажду довести дело до конца. Она видела такое и прежде. Все они видели, в тот или иной момент - эту необходимость для воина добиться чего-то, отправившись в огонь и выкарабкавшись из руин.

В наступившей тишине она решила рискнуть.

- Летописцы добыли пикты из Джууварского сражения.

Горло Улатала дернулось. Он попытался и не смог сглотнуть, надеясь вопреки надежде, что сможет сдержать эмоции на небритом лице.

- Как?

- Каким образом секретные военные данные всегда становятся известными, сэр? Их кто-то сливает. - Она сделала вдох, прежде чем продолжить. - Вас называют героем. Пишут поэмы об этом, картины... Это уже дошло до других флотов.

Он усмехнулся, борясь с желанием надеть аспиратор. Позволить последнему легкому спастись. Позволить ему усохнуть в покрытой шрамами груди, несмотря на последствия. Все, что угодно, лишь бы Дита больше не чувствовала дрожь ужасного недомогания, змейкой ползущего по позвоночнику Улатала.

- Идиоты, - сказал он.

- Сэр, нет. Нет. Вы - герой. Тот бой был...

Она продолжала говорить, но Улатал больше не слушал. Он смотрел на нее, а его кишки заныли от мысли обо всех тех смехотворных хроникерах, поэтах и художниках, что смотрели на него, его последний вылет, сам бой, как он закончился в крови и удушливом дыме, вое двигателей, крови, пылающем железе и крови, так много крови и...

Улатал открыл глаза, точно не зная, когда закрыл их. Он проковылял к своему креслу, ненавидя инстинктивный выдох облегчения, когда сбросил свой вес с искалеченного бедра. Пердита вежливо сделала вид, что не заметила.

- Оно тебе идет, - наконец, произнес Улатал.

- Сэр?

- Мое звание. Ты достойно носишь его, и мы оба знали, что ты получишь его. По крайней мере, таким способом я не позволил тебе перейти в другую эскадрилью, когда тебя повысили.

Пердита улыбнулась.

- Хотите сказать, что я - лучший пилот из всех, кого вы знали, и что вы всегда гордились мной?

- Трон, нет. Я был лучшим. Но ты достойная ведомая.

- Вы вернетесь к нам...

Улатал поднял руку.

- Пожалуйста, давай без этого гроксового дерьма. С полетами покончено, если только они не оснастят мою новую кабину сиденьем для нейтрализации всей той тошноты из-за моего проломленного черепа и промывной системой, чтобы справиться с тем фактом, что я, кажется, гажу кровью. Трон, половина моих органов - синтетические клонированные копии, которые едва функционируют. Если бы они заменили все, что во мне сбоит, кибернетикой, я был бы сервитором.

В качестве доказательства он показал новые металлические зубы.

- Может быть, они отдадут под ваше командование корабль. Например, фрегат

Он ощутил миг неподдельного ужаса, просочившегося в его неизменное раздражение.

- Я пилот космического истребителя. Я не хочу чертов корабль, ковыляющий в пустоте с торчащей толстой задницей, - Улатал замолчал, услышав раздражение в своем голосе. - Хотя... может быть, линкор? Одну из тех здоровенных «Глориан». Это было бы весело.

Пердита засмеялась, и звук ее смеха стал услодой для слуха бывшего командира. В этом смехе не было ни милосердия, ни сочувствия. Как и в ее глазах.

- Высоко метите, сэр, - сказала она с усмешкой. - Так, когда вы отбываете?

Улатал качнулся в фиксирующем троне, стараясь изо всех сил, чтобы не хрипеть от боли каждый раз, когда корабль встряхивало. В первый же миг, как заработали двигатели и направили корабль вперед, все раны офицера сразу проснулись, решив наказать за это маленькое путешествие. Транспорт снабжения не выполнил ни одного из маневров с высокой перегрузкой, которые Улатал проделывал всю свою жизнь в кабине истребителя типа «Гнев», но, тем не менее, полет был далеко не плавным. По ощущениям грузовое судно скорее с грохотом несло в варпе, не разваливаясь больше благодаря удаче, чем умелому пилотированию или прочному корпусу.

Немного боевых кораблей направлялись в нужное Улаталу место. Это означало, что он должен был проявить смекалку. Трехнедельный перелет на транспорте снабжения туда, варп-прыжок протяженностью в месяц на судне колонистов сюда... Благодаря хорошему планированию и удаче Улатал сумел добраться до последнего этапа своего путешествия.

Ни один из этих кораблей не доставил особого удовольствия его ослабленному телу, но последний был самым худшим. При особенно мерзкой встряске его болезненное кряхтение перетекало в стон сквозь сжатые зубы. Несколько других пассажиров бросали взгляды в его сторону. Улатал слизывал кислый привкус тошноты с задней части зубов и сглатывал. Он был слишком раздражен, чтобы смущаться.

С каждым вдохом офицер вдыхал потную вонь других пассажиров. При каждом движении он чувствовал на себе их взгляды. Беспокойные были тем, что надо, он мог принять их. Его резали по живому жалостливые взгляды. Сочувствующие, немного испуганные взгляды гражданских, видящих униженного воина.

Что ж, теперь он уже ничего не мог с этим поделать, кроме как не сплевывать перед ними. В ближайшее время он точно не будет маршировать на победном параде.

- Вы в порядке?

Улатал поднял голову и взглянул на человек в фиксирующем троне напротив. Он сделал вдох для ответа и сумел выдавить четыре слова, прежде чем завтрак и куски слизистой оболочки желудка ударили в преграду сжатых зубов. Улатал повис в фиксаторах, и вместе со стоном окрасил пол платформы рвотой. Вокруг него раздались недовольные возгласы и проклятья.

- Да, - он тяжело дышал, опустив голову и уставившись в пол между коленями. - Лучше не бывает.

Улатал был не в состоянии слишком долго смотреть через иллюминаторы, когда корабль спланировал в док, но все же смог улыбнуться при виде пустотной обшивки цвета грязного кобальта и тусклой бронзы на фоне бесконечной черноты. «Сумрак» покрывали грязь путешествий и кровь сражений, но при этом он не утратил своего очарования. Если корабль задействует свои орудия, то сможет за минуты сравнять с землей города, и за часы уничтожить планеты.

Высадка прошла без сучка и задоринки, и флотский связной выделил ему каюту. Лучше, чем была у Улатала на борту «Змея черных морей», что его удивило. Конечно, связной знал о его прибытии. Ортос следовал протоколу и отправил сообщение до своего прибытия. Не было смысла производить плохое первое впечатление.

- Командир крыла Ортос Улатал, приписан к Восьмому Легиону, прикомандирован к архивным источникам боевого флота крестового похода. Благодарю за помощь. Я бы хотел поговорить с одним из ваших вышестоящих архивистов Легиона, - сказал он дородному назойливому товарищу, которому приказали его встретить. - При первой же возможности.

Связной был нострамцем, а значит, как и большая часть нездорового населения этого мира - почти альбиносом. Он говорил на готике с мягким произношением, типичным для самих Повелителей Ночи, и придерживался общего языка Империи, несмотря на то, что Улатал говорил на нескольких нострамских диалектах не хуже уроженцев планеты.

- Я сделаю, что смогу, - ответил нострамец.

- Это важно, - Улатал занервничал перед лицом такой безмятежности.

- Как я сказал, сэр, сделаю, что смогу.

Улатал поморщился, когда наклонился вперед, чтобы расшнуровать ботинки, и что-то неприятно влажное скользнуло в его заживающем брюхе.

- Ты меня не убедил, - отметил он. - Я служил Восьмому Легиону почти двадцать лет, мой друг. И знаю, какими могут быть офицеры Космодесанта. Так что не надо миндальничать и говори как есть: твои начальники - чопорные ублюдки.

Связной прочистил горло, выбирая верный баланс между правдой и дипломатией.

- Ну, они редко относятся по-дружески к смертному экипажу...

- Послушай, - перебил Улатал, снова взглянув на свой инфопланшет и пробежав глазами по данным. - Мне всего лишь нужно поговорить с одним из архивистов флагмана. Не с самим чертовым примархом, даже не с одним из офицеров. Всего лишь архивистом.

Связной замешкался, затем четко отдал честь.

- Думаю, это можно устроить, сэр.

На ответ ушло три дня. Связной не вернулся. Когда Улатал связывался с ним через устройство связи в каюте, ответы колебались от уклончивых до успокаивающих, всегда складные и без неточностей. Во время последней попытки, Улаталу вежливо отказал сервитор, проинформировавший его монотонной речью, что он должен оставаться в своей каюте и ждать прибытия того, кто сможет помочь в его расследовании.

- Твоя фраза кажется мне немного подозрительной, - ответил Улатал лоботомизированному киборгу с другой стороны аппарата связи. После завершения вокс-вызова интуиция подсказала ему проверить личное оружие.

Воин, постучавший кулаком в дверь Улатала, пришел в броне и при оружии. Легионер, облаченный в полночный керамит с бронзовой окантовкой VIII Легиона, возвышался над Улаталом, который сам был высоким человеком. Такое близкое присутствие Легионес Астартес никогда не вызывало приятных ощущений, даже у тех, кто привык к их огромным размерам. Этот воин на таком близком расстоянии был просто откровением огромности. В одной руке он держал цепную глефу с трехметровым древком. В другой - шлем с личиной в виде ощерившегося черепа и гребнем из двух крыльев. Работающий силовой генератор на спине космодесантника вызывал у Улатала зуд в деснах. Ему пришлось бороться с неприятным желанием потерять глаза, они словно вибрировали в глазницах.

Улатал знал, кто это. Он видел лицо воина в бесчисленных имперских воодушевляющих голограммах, рассказывающих о деяниях героев Легионес Астартес. Он видел закованного в броню гиганта почти во всех засекреченных послеполетных пиктах, описывающих многочисленные победы VIII Легиона за последнее столетие.

Повелитель Ночи уставился на него. Его нечеловеческие глаза выражали взгляд бесстрастной немигающей черноты. Когда он заговорил, его голос напомнил звук лавины, каким-то образом получившей власть усмехаться.

- Привет, - заявил Первый капитан Яго Севатариион. - Мы с тобой поговорим.

Первые несколько минут каждое движение воина вселяло в Улатала полную уверенность в скорой смерти. Он не был трусом. Никто не смог бы дослужиться до его звания и одержать столько побед, если бы в его жилах текла кровь труса. И все же Улатал вздрагивал каждый раз, как сочленения доспеха Севатарииона при малейшем движении издавали рык. Внутренности смертного сжались от грохота боевого копья, брошенного легионером на стол. Офицер Космодесанта занял угрожающе много места в просторной каюте Улатала.

Ощущение неминуемой смерти уменьшилось, но не прошло полностью. Вместо этого его сменила уверенность, что Улатал не выйдет из комнаты живым после того, как только расскажет свою историю. Мысль выхватить для защиты личное оружие была слабым и забавным утешением. Воспользоваться служебным лазерным пистолетом против Первого капитана VIII Легиона будет равносильно метанию камней в «Лэндрейдер».

Он предложил космодесантнику чашку чая из своих гостеприимных запасов, и Первый капитан Севатариион улыбнулся, очарованный предложением, или же стараясь изобразить вежливость.

- Нет. А теперь говори.

С этими словами и заключенными в них приказом дело приняло серьезный оборот. Оба сели – один с кряхтением из-за ноющих ран, другой – с механическим рыком сочленений доспеха, приспособляющихся к изменению позы. Улатал передал инфопланшет с записанным докладом и соответствующими гололитическими данными. Затем все, что ему осталось – ждать. Пока Повелитель Ночи читал, он сидел на своем месте, стараясь изо всех сил, чтобы не закашлять и не сжимать ноющий желудок. Последнее, чего хотел бы Улатал – это чтобы воин принял его болезнь за нервозность.

Бледное лицо Севатарииона возвышалось над керамитовым горжетом доспеха, столь типичное для всех рожденных на Нострамо. При чтении его черные глаза мигали. В какой-то момент он провел пальцами по «вдовьему выступу» своих черных волос. В другой – его кривая усмешка сменилась сухим смехом.

Когнитивные способности космодесантников имели трансчеловеческую природу. Когда Улатал показал текст Пердите, ей понадобился почти час, чтобы прочесть его целиком. Севатариион закончил его изучение менее чем за шесть минут.

После того как воин завершил чтение, он не стал возвращать инфопланшет. Вместо этого он пристально посмотрел Улаталу в глаза с другой стороны низкого стола.

- Ты смотришь на меня так, словно ждешь, что я убью тебя.

Улатал осторожно улыбнулся.

- Эта мысль приходила мне на ум.

Севатариион не отрывая глаз от человека, кивнул на инфопланшет, который все еще держал.

- Из-за этого?

«Осторожно, осторожно».

- При всем моем уважении, лорд...

- В данных обстоятельствах вполне подойдет Севатар. Пожалуйста, забудь о «лорде». Я не король.

- При всем уважении... Вашей репутации не свойственно терпение и милосердие.

Севатар уставился на него, не моргая и не шевелясь. Сервитор продемонстрировал бы больше эмоций.

- Думаю это суждение о моем характере несправедливо, – сказал воин с идеальной невозмутимостью. – Твои слова огорчают меня. Я крайне расстроен.

Воцарилась тишина.

«Он... что, шутит? Это шутка?».

Улатал прочистил горло и набрал воздух, чтобы заговорить, но Севатар перебил его.

- Здесь едва ли достаточно информации, чтобы ты заслужил смерти. Это только часть истории.

Улатал наклонился вперед, чувствуя слабость в груди, а кишки скрутило так, что он предпочел бы об этом не думать.

- Я пришел за истиной, первый капитан.

Севатар смотрел на него, не моргая. Его взгляд был задумчивым и оценивающим.

- Ты гонишься за откровением с таким пылом в глазах, Ортос Улатал. Но подобное пламя сжигает душу человека.

- Это мой долг. Ни больше, ни меньше.

Губы Севатара скривились с налетом насмешливой брезгливости.

- И в самом деле. Между прочим, я видел запись твоей аварии с орудийного пиктора. Ты должен был трижды умереть от столкновения. Ты везучий человек.

Похвала была последним, чего ожидал Улатал.

- Я... благодарю, первый капитан.

- Хотя ты выглядишь так, словно тебя сшили из частей тел полудюжины людей. До аварии ты был хорош собой, Улатал?

Офицер снова замешкался. Он чувствовал, что проигрывает это противоборство. Улатал предпочитал ложной скромности правду.

- Так точно, сэр. Был.

Севатар плавным звериным движением наклонил голову. Космодесантник изучал человек так, словно пытаясь увидеть человека Улатала в той развалине, которой он стал.

- Что ж, по крайней мере, тебя выскребли из кабины, даже если забыли о твоей внешности.

Улатал промолчал. Поддерживать беседу с первым капитаном VIII Легиона было сродни попытке отпугнуть зерновую молотилку одной лишь молитвой.

- Итак, ты говорил, что хочешь пообщаться с тем, кто присутствовал при Разорении Зоа. - Повелитель Ночи легко стукнул костяшками пальцев по нагруднику. - Я был там. Так что спрашивай.

Улатал прочистил горло.

- Я не знаю, должен ли регистрировать эти доклады. Тысяча Сынов выставили наш Легион в... негативном свете.

Севатар по-прежнему не отпускал инфопланшет.

- Именно так, - согласился он. - Хотя это вряд ли первый доклад с такой оценкой. Кто зарегистрировал эти жалкие стишки?

- Офицер записан под именем «Хайон из Хенетай», принадлежащий к так называемому «Ордену Шакала». Указывается, что он капитан боевого корабля «Тлалок».

Севатар едва заметно пожал плечами.

- Никогда не слышал о нем. Я не могу сказать, был ли он там или нет. На Зоа я мало обращал внимания на младших офицеров Тысячи Сынов. Они все были склоны к одинаковому нытью. И спустя некоторое время размывались в памяти.

Он замолчал, поразмыслив минуту.

- Орден Шакала. Хенетаи. Какие забавные названия используют другие Легионы.

«Странное оскорбление, - подумал Улатал, - от человека, которого зовут Принцем Воронья».

Вдруг взгляд Севатара стал звериным. Не агрессивным, но явно животным. Нечто почти похожее на улыбку медленно, дюйм за дюймом, расплзлось по его иссеченным губам.

«Он слышит меня. - Улатал почувствовал, как в позвоночник впились ледяные колючки. - Кровь Императора, он слышит меня».

Но Повелитель Ночи ничего не сказал и ничего не сделал, кроме как жестом дал знак продолжать.

- Я не могу зарегистрировать последний доклад в такой форме, - сказал Улатал. - Он оценочный, унылый и воспринимается, как пропаганда. И кроме того в нем присутствует угроза для боевого духа. Во-первых, мне необходимо подтвердить достоверность доклада. После этого я смогу собрать контраргументы, которые уравновесят этот предвзятый тон.

Севатар, наконец, моргнул и его подобие улыбки погасло.

- Вот, что ты можешь сделать. Можешь зарегистрировать этот доклад в таком виде, оставив в архивах для будущих поколений, чтобы рассматривать его в качестве безобидной диковинки. Или же можешь уничтожить его, и никто об этом не узнает и не заинтересуется. Если ты выберешь один из этих двух вариантов, то ты покинешь эту каюту, а затем «Сумрак», доживать остатки своей жизни. Ты никогда больше не будешь пилотировать истребитель «Ярость», но твой разум не поврежден. Только тело. Ты почти наверняка получишь повышение по службе, либо в командный состав фрегата, или же звание капитана авиагруппы, командующего истребительными эскадрильями корабля. Хороша ли такая жизнь? Плоха? Я не знаю. У меня свои стандарты, у тебя - свои. Так что подыграй мне, и мы добавим красок этой величественной картине. Да, ты высоко поднимаешься, в этом я не сомневаюсь. Но ты всегда будешь мочиться в мешок. Всегда будешь во время еды ощущать вкус своей крови из-за искусственных зубов и разорванных внутренностей. Всегда будешь с трудом дышать из-за единственного оставшегося в твоей груди искромсанного легкого. Даже если тебе выдадут больше клонированных органов и кибернетических трансплантатов, ты залечишь раны, но никогда по-настоящему не восстановишься. Эта авария разрушила твое тело, Ортос. Ты знаешь это. Я вижу по твоим глазам. Возможно, у меня нет таланта читать человеческие эмоции, но клянусь тебе, я читаю правду и ложь также легко, как другие читают буквы в книге.

Улатал медленно выдохнул. Он ничего не сказал, совсем ничего.

Повелитель Ночи потянулся к одному из поясных карманов и вынул сферу из полированной меди размером с кулак. Улатал поднял бровь при виде устаревшего голопроектора, когда Севатар поставил его в центр низкого стола, стоявшего между ними. Воин поднялся с мурлыканьем сочленений брони и снова заговорил.

- Ты можешь уйти и жить своей жизнью, Улатал. Или же посмотреть запись и получить ответы, за которыми пришел. Она не содержит важных данных, которые принесут пользу Великому крестовому походу, как и изобличающей правды, которая будет угрожать обоим вовлеченным Легионам. Там всего лишь слова разошедшихся во мнениях братьев. И они не хотят, чтобы кто-то узнал об этом за пределами их Легионов. Это... - он постучал большим пальцем по руне активации, но не нажал ее, - ... дело легионеров и примархов. Семейное дело. Не для смертных глаз и ушей и определенно не для архивов

крестового похода.

- Тогда зачем вы предлагаете мне ее?

Севатар тихо рассмеялся.

- И в самом деле, зачем? - Его тон придавал вопросу риторический характер. - Прощай, командир авиакрыла.

Повелитель Ночи взял со стола огромное боевое копьё.

- Эта запись, Первый капитан. Если я посмотрю ее...

Севатар впился черными глазами в поднятый взгляд Улатала.

- Ты спрашиваешь, лишишься ли жизни, узнав правду?

Улатал кивнул. Севатар - нет.

- Позволь кое-что спросить, Ортос Улатал. Если ты умрешь этой ночью ... тебе и в самом деле это важно?

Шпиль в сердце города был построен из вулканического синего камня, добываемого только на самом восточном континенте Зоа. Признаваемое населением Зоа чудом их мира, здание было ошеломляющим достижением архитектуры, пронзающим облака, монументом тяжелому труду человечества и его способности создавать прекрасное.

Севатар посмотрел на башню, его прицельная сетка плясала с места на место, выискивая конструктивные слабости. Красота строения не отражалась в его размышлениях, как и мысль, что другие люди сочли бы его красивым. Его разум работал иначе.

На языке местной культуры Зоа здание называлось Ивил'куух, что на готике означало «Башня Просветления». Перевод был неточным, так как просветление в зоанской культуре подразумевало не мирное просвещение, но снисходительное чувство «положение обязывает» просвещенной элиты к невежественным массам. Капитан знал об этом из операционных данных, а их изучение входило в обязанности хорошего солдата. Знание специфики зоны боевых действий было жизненно важным.

- Красиво, не правда ли? - раздалось в воксе трескучее урчанье Шанга.

«Не знаю, - подумал Севатар. - Как ты определяешь, красиво что-то или нет?»

- Да, - произнес он вслух, потому что подозревал, что именно так должен был думать. - Настоящее чудо.

- Досадно, что придется разрушить его, - добавил Шанг.

- Закон есть закон, - заученно ответил Севатар. Шанг в ответ согласно хмыкнул.

Севатар посмотрел на основание башни, и прицельные перекрестия на ретинальном дисплее вспыхнули на нескольких более соблазнительных целях. Окружившую башню воины Тысячи Сынов стояли стройными рядами, сжимая болтеры и клинки по стойке «вольно». Они ждали, нет, охраняли, и единственное, что изменит ситуацию - слова примархов, находящихся сейчас на орбите.

Иногда усилия Тысячи Сынов были видны, иногда - нет. Время от времени Севатар видел в воздухе

мерцание телекинетического барьера. При этом каждый раз башня колыхалась подобно миражу за невидимой стеной энергии, которая сохраняла ее невредимой.

Первый капитан Повелителей Ночи шел по разбитым камням завоеванного города, под сапогами хрустел запыленный гравий разрушенных домов. Он подошел к ближайшему офицеру Тысячи Сынов – темнокожему воину в красно-золотистом доспехе его Легиона. Под крашеными глазами были круги от усталости.

- Азек, - поприветствовал Севатар воина.

- Капитан Севатариион, - легионер Тысячи Сынов протянул руку в нострамском приветствии – открытой ладонью, чтобы продемонстрировать отсутствие злых намерений. Севатар улыбнулся этой любезности, поскольку людям следовало улыбаться.

- Есть новости?

Азек Ариман покачал головой.

- Ни одной.

Оба воина посмотрели на противостоящие ряды людей. В то время как воины Тысячи Сынов демонстративно стояли на страже, застыв словно автоматы, Повелители Ночи разбились на разрозненные группы, разговаривая друг с другом и глядя на защитников башни с нескрываемым отвращением, застывшем на их белых лицах.

Патовая ситуация растянулась уже на три часа. Стаи Повелителей Ночи время от времени разбивались на пары и проводили дуэли – из-за оскорбленной чести или просто скуки. Тысяча Сынов не позволяли себе подобной недисциплинированности.

- Оно того стоит? – спросил Севатар, кивнул на противостоящие силы. За последний час обе стороны подтянули боевые танки.

На таком близком расстоянии до башни он ощущал покалывание на коже от телекинетического барьера. Сводящий с ума зуд, давление, которое просачивалось внутрь его черепа, от чего у него распухал мозг. Он сжал зубы и подавил подступившую тошноту. На миг ему показалось, что он слышит по вокс-каналам другого Легиона приглушенные напевы Тысячи Сынов. Они звучали призрачными, чуждыми, невыносимо уставшими.

- Да, - ответил Ариман. - Император будет рыдать, если мы позволим этому знанию погибнуть.

Севатар выдохнул сквозь сжатые зубы. Его так утомляли заблуждения других людей.

- Будь это так, мой примарх не приказал бы нам сжечь все дотла.

На лице Аримана отражалось терпение – терпение и сочувствие.

- Со всем уважением, капитан Севатариион, ты говоришь о том, чего не знаешь. Мы плаваем по течениям Великого Океана так, как ни один другой Легионе не может вообразить, не говоря о том, чтобы понять. Знания в этой башне имеют отношение к миру за Пеленой, и только мы имеем право судить о его ценности. Слово Алого Короля – единственный закон, имеющий здесь вес. Мы заберем эти знания на Просперо, а потом, после изучения, переправим на Терру.

Севатар сумел разжать зубы.

- Знаешь, а ты умеешь относиться к братьям-воинам, как к детям. Слащавость в твоём голосе не скрывает того факта, что ты высокомерный терранский говнюк.

Ариман покачал головой во второй раз, демонстрируя терпение в ответ на эту тираду.

- Я не стремился высмеять тебя, Яго.

Лицо Севатара дернулось.

- Я возвращаюсь на орбиту узнать, приблизились ли наши отцы к решению.

- Я с тобой, - ответил Ариман. - Но я бы хотел гарантии от тебя, что ваши силы не откроют огонь по башне после нашего отбытия.

- Но я пригнал всю эту артиллерию, - Севатар махнул рукой на разрушенный город, где рычали на холостом ходу бронемшины батальона VIII Легиона. - Было бы досадно не воспользоваться ею.

- Я это и имею в виду. Мне нужно твоё слово.

Севатар уставился на своего коллегу.

- Если я дам тебе такую гарантию, ты и в самом деле поверишь, не так ли?

- Я буду надеяться, что ты держишь своё слово, - сказал Ариман.

Севатар фыркнул, но не насмешливо, а из искреннего удивления.

- Никто настолько наивный как ты не имеет права быть высокомерным, Азек.

- Знание - не есть добро или зло, брат. Оно приобретает нравственность только при его использовании. Если использовать со злым умыслом, оно становится злом. Если применять во благо других, оно становится добром.

Двое братьев разговаривали уже некоторое время, и это было видно по их лицам. Первый был краснокожим гигантом, облаченным в броню из тизканской бронзы и просперовского золота. Оттенки обоих металлов обладали едва заметным намеком на алый цвет. Плавные символы украшали пластины доспеха загадочными узорами. Аристократическую красоту его лица портил сморщенный порез на месте правого глаза. От ока, что некогда гнездились в закрытой глазнице, осталось только предположение.

Второй брат был поджарым, в то время как первый - мускулистым. Растрепанным, тогда как другой - величественным. Его кожа была цвета нечистого льда, а волосы - грязно-черными, как крылья летучей мыши. Он сидел, в то время как первый горделиво стоял.

Второй брат смотрел на свои руки в перчатках. Он снова и снова выпускал и втягивал пару огромных металлических когтей, с мерзким скрежетом адамантия о керамику.

- Закон есть закон, - сказал бледный брат, не отрывая взгляда от перчаток. Из ножен на предплечьях в очередной раз молниеносно выскочили когти под аккомпанемент металлического лязга.

По краям зала безмолвную вахту несли несколько космодесантников. Их имена, лица и шлемы были

известны по всему новому Империи, каждый из воинов был героем. Такое собрание, при лучших обстоятельствах, означало бы уничтожение или покорение цивилизации, сопротивляющейся Имперскому согласию. Сейчас же эти знаменитости стояли молча, наблюдая, как их отцы борются за право нанести заключительный удар по миру внизу либо спасти его от уничтожения.

Один из воинов в полном боевом доспехе, такой же болезненно-бледный, как и его примарх, и с отметиной от клинка на губах, покачал головой и, наконец, заговорил:

- Пожалуйста, дядя, избавьте нас от вашего нравственного релятивизма.

Несколько легионеров Тысячи Сынов, блистательных в своих багровых доспехах, замерли от этих слов. Магнус прищурил левый глаз, глядя на своего брата и отказываясь посмотреть на заговорившего Повелителя Ночи.

- Если твои сыновья не могут удержаться от детских порывов, возможно, им лучше покинуть нас.

Растрепанный примарх снова выпустил когти. Вздох, выскользнувший сквозь острые зубы, был обременен усталостью. Кёрз промолчал. За него говорила поза утомленного пренебрежения.

Еле заметные движения стоявших в положении «смирно» офицеров Тысячи Сынов выдавали их переговоры по личным каналам связи. Командиры Повелителей Ночи стояли напротив в положении «вольно», не побеспокоившись последовать примеру визави. Стоявший навтыжку первый капитан XV Легиона Ариман держал свой посох прямо, представляя собой трансчеловеческого аватара застывшего совершенства.

Его темное отражение в зале Севатар опирался на цепную глефу. Для трансчеловеческого воина-убийцы выглядеть беззаботно было невозможно, но первому капитану Повелителей Ночи это почти удавалось.

- Мы должны... - начал Севатар.

- Молчать, - одновременно сказали оба примарха. Невероятно, но это сработало. Севатар снова уставился на Аримана, возможно, гадая, насколько мастерски владеет командир другого Легиона увещанным безделушками посохом. Ариман же, напротив, полностью игнорировал Севатара. Он сосредоточился на развернувшейся в центре помещения беседе.

Магнус Красный опустился на колени перед своим братом, оказавшись с ним лицом к лицу.

- Отведи своих людей от башни, Конрад, - сказал он мягким голосом. - Считаешь меня слишком гордым для компромисса? Это не так. Не в таком важном деле, ведь знания так необходимы. Дай мне две недели прочесать эту сокровищницу, отделить истину от вредной лжи. Я лично уничтожу все, что несет пятно обмана.

Когти выскочили. Затем скользнули обратно в наручные чехлы. А потом снова выскочили.

- Не делай этого, - с нажимом произнес Магнус. - Не предавай эти знания огню.

Конрад Кёрз поднял темный взгляд к полуприкрытым глазам брата.

- Я не выношу компромиссов. И не отступлю. Библиотека сгорит.

- Брат, - сдавленным голосом попросил Магнус. - Позволь сначала отправить сообщение нашему отцу. Пусть его слово станет нужным нам решением. Даю слово, он никогда не прикажет уничтожить

библиотеку. А я останусь с тобой, пока мы ждем. И мои сыновья не войдут в Башню Просветления, пока Император не пришлет свое благословение.

- Какой ты уверенный, - ответил Ночной Призрак. Он снова уставился на свои руки. Когти снова выскочили.

- Да, это так, - признался Магнус, энтузиазм добавил чувств его голосу. - Я уверен, брат. За десятилетия до моего обнаружения и принятия Просперо в Империум, я разговаривал с отцом в волнах Великого Океана. Разум с разумом, душа с душой.

- Душа, - смех Кёрза напоминал скрежет пилы по кости. - *Душа*. Ты рассказываешь о таких милых глупостях, брат. Духи и тутеларии, Великий Океан и *души*.

Магнус поднялся. Блеснуло золото, когда он с сожалением отвернулся.

На бледном лице Кёрза застыла горькая маска снисхождения.

- Думаешь, ты единственный, кто разговаривал с отцом? Ты один знаешь его желания и тайны, и каких достижений он от нас ждет? Скажи честно, Магнус, ты действительно считаешь, что мы всего лишь глупцы, скачущие в твоей тени?

Лицо Алого Короля ожесточилось, как и его голос.

- Я говорю об откровении и мечте, а ты о мелочной злобе. Брат, я надеялся на гораздо большее. Разве твою жажду разрушения не утолила резня, которую ты устроил среди людей этого мира?

- Резня, - пробормотал Кёрз, - которую ты не остановил. Резня, которая пощадила девяносто процентов населения и добилась согласия вдвое быстрее расчетов Гиллимана. Так что не протестуй против моей «резни» и не произноси это слово, как будто оно какой-то отвратительный грех.

Магнуса нельзя было запугать.

- Проведение кампании лежало на тебе, как и методы. Но эта библиотека, эти знания...

- Снова это слово. *Знание*. Ты цепляешься за него, наделяешь его ценностью, выставляешь его перед собой, словно талисман. Что ты будешь делать с этим *знанием*, Магнус? Заберешь на Просперо? Сделаешь общедоступным для изучения и познания, полагая, что этим обогащаешь жизни людей?

Магнус ответил не сразу. Он взглянул на брата, чувствуя холодное прикосновения нежеланного открытия.

- Какая ненависть, - сказал, едва веря, Алый Король. - Какая глубина ненависти к самому себе.

Кёрз усмехнулся под его взглядом и вернул внимание перчаткам. Когти снова втянулись, а затем в который раз стремительно выскочили.

- Не злоба побуждает меня к подобным методам, - тихо произнес примарх Повелителей Ночи. - Знание в этом шпиле - это жемчужина развращенной культуры. Их верования необходимо уничтожить, чтобы помочь согласию и помешать возвращению в язычество. Покорность - вот что имеет значение, Магнус. Их научат повиноваться. Через покорность они станут имперцами.

- Нет, Конрад. - Почувствовав шанс на взаимопонимание, Магнус заговорил тем же тоном, что и брат. - Ты можешь быть правым на счет народа этого мира, но не в отношении накопленных ими знаний.

Позволь мне отвезти их к Императору. Это все, о чем я прошу.

- Я уже сказал тебе. Я не потерплю компромиссов. Не отступлю. Опустит кинетический щит вокруг Башни Просветления, потому что если твои воины попытаются удержать барьер после начала бомбардировки, я не смогу пообещать, что они останутся невредимыми.

- Ты не сделаешь этого, - вздохнул Магнус. - Даже твое кровожадное племя не откроет огонь по собственным братьям.

Кёрз посмотрел на брата. У него было почти то же выражение, что и у Севатара, когда первые капитаны разговаривали на поверхности Зоа.

- Все, что ты докажешь, - сказал Кёрз, - это как плохо меня знаешь. Севатар, отдай приказ открыть огонь.

Единственный глаз Магнуса расширился. Он протянул руку.

- Брат...

- Это Севатар, - передал по вокс-сети Повелитель Ночи. - Открыть огонь по башне. Разружьте ее.

- Брат! - позвал Магнус и... замолчал. Он напрягся, вздрогнув, когда почувствовал удары по психическому щиту, поднятому его сыновьями вокруг их сокровища. Несколько присутствующих Тысячных Сынов захрипели и зашатались из-за псионической восприимчивости.

В наступившей на краткий миг тишине втянулись и вышли когти Кёрза.

- Когда Император пришел в мой мир, он принес свет на Нострамо, в мир, который никогда не видел солнца. Он принес свет знаний, Магнус. Мой народ вдруг узнал об окружающей его огромной галактике. Люди узнали о других мирах и других культурах, городах, которые не обитали в бесконечной темноте. Цивилизациях мира и смеха. Это знание не освободило их, брат. Оно сковало их. Наполнило их несчастьем. Нострамо забурлил от своего горя, осознав, что цена их общественного покоя - это страх и тьма. Мой народ страдает в мое отсутствие. Порядок рушится, так как люди не соблюдают законы. А почему? Из-за знания. Потому что исполненный благих намерений учитель дал им перспективу, которую они еще не готовы познать.

Лицо Магнуса напряглось от концентрации. Даже при этом он покачал головой и заговорил хриплым от осознания голосом:

- Ты злобное, слепое существо. Император узнает об этом.

Кёрз не торжествовал. Он даже не улыбнулся.

- Как долго ты сможешь удерживать этот барьер, Магнус?

- Вечность, если захочу. - Теперь Магнус говорил сквозь стиснутые зубы. - Дольше вечности.

Кёрз по-прежнему не улыбался, хотя в его глазах сверкнуло холодное веселье? По крайней мере, одному наблюдателю так показалось.

- А как долго протянут твои легионеры, прежде чем начнут падать от истощения? Как долго, прежде чем произойдут несчастные случаи, и рвущие снаряды убьют твоих сыновей внизу? День? Неделя? Месяц? У меня достаточно боеприпасов. Или же я могу отвести своих воинов и открыть огонь с

«Сумрака». Как долго продержаться твои Тысяча Сынов на поверхности? Это все закончится только одним способом, Магнус. По-моему. Я бы предпочел, чтобы ты был со мной заодно и предотвратил кровопролитие. Твои люди не заслуживают смерти за свой ошибочный оптимизм.

Магнус кивнул, давая понять, что принял слова к сведению, пусть и не согласился.

- Я запомню это, Конрад. Обещаю тебе, я это запомню.

- Вот и отлично, - ответил Кёрз. - Уроки должны запоминаться. Именно поэтому их преподают.

- А! - теперь улыбнулся Магнус. Его царственные черты плохо подходили для злобы, но в улыбке не было ни намека на тепло. - Урок значит? Смелые слова для человека, только что утверждавшего, что неведение - это счастье.

Кёрз стиснул зубы - наибольшая эмоция, продемонстрированная им за все это время.

- Я прекращу огонь на тридцать минут. Забери свой Легион с планеты. Башня падет через полчаса.

Когти еще раз выскользнули, и образ Кёрза замерцал от искажения. То же произошло с Магнусом. Стены зала размылись от помех и...

... и Улатал уставился туда, где секундой ранее находились два полубога. Гололитическая запись закончилась, а устройство на столе продолжало щелкать, охлаждаясь. Тишину в каюте была осязаемой, словно ласковое прикосновение к коже.

- Боюсь, Магнус был прав, - сказал он себе.

- Может и так, - произнес Севатар. Улатал дернулся, поняв, что не один, и это резкое движение отдалось в его сросшихся костях.

Севатар стоял в дверях с копьем в руке. Улатал подавил стон от новой волны боли, захлестнувшей его от движения после столь долгой неподвижности.

Он не слышал, как вернулся Севатар.

- Почему? - спросил Улатал капитана. - Почему вы это сделали?

- Ты - военный и знаешь о значении засекреченной информации и множестве причин, по которым такие данные утаиваются.

- Но ведь Великий крестовый поход важнее этого. - Улатал услышал наивный оптимизм в собственном голосе, но ему не было стыдно. - Речь идет о... надежде. Просвещении. Истине.

- Некоторые люди не готовы к правде. - Севатар вошел в комнату, стуча сапогами по полу. Пяткой копья он как бы невзначай закрыл дверь. Она захлопнулась с металлическим скрипом. - Возможно, оба примарха правы или наоборот, неправы. Едва ли это важно.

- Как истина может быть неважной?

- Ах да, истина важна, - сказал Севатар. На миг он стал задумчивым, что не очень подходило его лицу.

- Но истина - это не то же самое, что и правота того или иного человека. Башня упала. Мы обратили все,

что нашли внутри в пепел и шлак, а затем обстреляли шпиль, пока не превратили его в пыль. Вот в чем истина. Вот, что важно.

Он посмотрел черными немигающими глазами на человека.

- Ты узнал то, зачем пришел. Запись оказалась познавательной?

Улатал кивнул.

- Да, - он вдруг улыбнулся, что было редкостью на борту «Сумрака». - Никогда раньше не видел, как спорят полубоги.

- Да, в ней были занимательные моменты, - согласился Севатар. - Тем не менее, нам сказали, что она нанесет страшный удар по моральному духу, если станет общедоступной. Никто не должен видеть конфликтов между примархами. В этом вопросе задачи крестового похода строго определены. Я сомневаюсь, что большинству людей будет небезразлична или понятна важность этого довода, но я не создаю нормы поведения. Я просто слежу за их исполнением. Пожалуйста, не шевелись.

- Почему?

Севатар поднял цепную глефу. Сочленения доспеха хором зарычали. Зубья оружия не двигались, воину даже не нужно было активировать оружие, чтобы они с легкостью разорвали плоть.

- Вот почему.

Улатал сжал зубы и отказался закрывать глаза. Он смотрел в глаза своему убийце, ожидая стремительного движения, которое возвестит о смерти.

- Севатар.

Севатар застыл.

- Севатар.

В вокс-бусине на воротнике Первого капитана затрещал голос.

Воин все так же не двигался.

- В чем дело, Шанг?

- В калеке, - раздался голос. - Мы получили сообщение, что его назначили капитаном авиагруппы на «Пустотной пасти».

Севатар, не опуская оружия, взглянул на человека, которого собирался убить.

- Это те звание и должность, на которые ты претендуешь?

Улатал не пошевелился, даже не кивнул головой. Он искренне не знал, что собирался сказать, пока не сделал судорожный вдох и не заговорил.

Источник —

[https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Край_бездны_/_The_Abyssal_Edge_\(рассказ\)&oldid=7659](https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Край_бездны_/_The_Abyssal_Edge_(рассказ)&oldid=7659)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 ноября 2019 в 21:42.